

Фёдор Летуновский

Барабанщик

Фёдор Летуновский

Барабанщик

«Автор»

2014

Летуновский Ф. В.

Барабанщик / Ф. В. Летуновский — «Автор», 2014

В 1940 году у школьника арестовывают отца, и он остаётся в одной квартире с подозрительными родственниками второй жены своего папы – это сюжет повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика». По её мотивам создан фантастический рассказ, где опасные «блики» завоёвывают маленький город и только отрядный барабанщик способен справиться с ними.

Фёдор Летуновский

Барабанщик

Мимо этого памятника Пашка проходил дважды в день, по дороге в школу и домой. Это был каменный матрос на наклонном постаменте. Он шёл вверх, пригнувшись под напором ветра и вражеских пуль, то ли штурмуя высоту, то ли сохраняя равновесие на палубе попавшего в шторм корабля. Скульптор запечатлел его в тот момент, когда он собирал все свои силы, чтобы выпрямиться и встать во весь рост. Официально он назывался памятник Неизвестному Матросу, а местная шпана прозвала его «домой после получки».

Но, не смотря на то, что сегодня была пятница, домой Пашке идти совсем не хотелось, ведь там его ждали совершенно чужие ему люди. Его мамы давно уже не было, она утонула в Волге, когда он был совсем маленьким, а четыре года назад они переехали сюда, в Молчанск, небольшой городок в пятидесяти километрах от Москвы, где его отцу предложили должность директора текстильного магазина при местном заводе.

Сначала всё было хорошо. Пашкин отец женился на красивой девушке Тамаре, жили они скромно и в чистоте, а потом им дали по распределению двухкомнатную квартиру в добротном двухэтажном каменном доме, построенном ещё при местном помещике Большелопове, для его гостей и заезжих актёрских труп.

Тогда Пашка уже стал взрослее и почувствовал перемены в поведении Тамары. Проще говоря, аппетиты её возросли. Возвращаясь вечером из кино, она о чём-то тихо говорила с отцом, после чего тот задумчиво курил на кухне, становясь всё более молчаливым. И как-то постепенно обстановка в доме переменилась – появились новые вещи, Тамара стала щеголять в обновках, летом они ездили отдыхать в Крым, а на последний день рождения отец подарил Пашке фотоаппарат ФЭД, ставший предметом зависти всех его одноклассников.

Пашка немного стеснялся этого и, чтобы его не считали директорским сыном, вёл активную жизнь в школе, участвовал в спартакиадах, оставался после занятий с неуспевающими одноклассниками и учился играть на барабанах.

В тот день, когда его назначили барабанщиком отряда, Пашка возвращался из школы в приподнятом настроении. Ему не терпелось поделиться с отцом этой новостью, но как только он зашёл во двор, играющие там дети бросились к нему и наперебой принялись говорить о том, что у них дома был обыск, а отца забрала милиция и увезла в тюрьму.

Был скорый суд, где он не отрицал, что виноват в растрате большой суммы денег – отсюда и появилось всё их благополучие. Сначала отец часто писал, а потом его перевели в лагерь далеко на Север, откуда он отправил только одно письмо и надолго замолк. Тамара не слишком переживала и в сентябре уехала на два месяца в санаторий на Кавказ, «лечить нервы» – как она сама говорила.

Тогда Пашка понял, что всё – детство кончилось, помогать ему никто больше не будет и теперь он всё должен делать сам. В школе он сухо объявил одноклассникам, что его отец оказался вором, а учителя сами и так всё знали. Пашка ещё больше сосредоточился на учёбе и строевой подготовке, а субботними вечерами, когда Тамара с кем-то уходила в кино, утыкался в подушку и плакал. Потом он умывал лицо, надевал на шею ремень барабана и принимался играть.

И этот простенький пионерский барабан, неотличимый от сотни остальных, стал для него новым жизненным инструментом. Ритуальным предметом, пробуждающим его волю и задающий ритм каждого нового дня. Его старая жизнь рухнула, ему хватало сил, чтобы это принять, но потом он с удивлением начал замечать, что и в самом мире вокруг стало что-то не так.

Появились Блики.

И началось это с прибытием брата Тамары – дяди Бори, который приехал, якобы, чтобы за ним присматривать в отсутствии взрослых. Явился дядя Боря не один, с ним был ещё и его невнятный кореш Федька – маленький лысый типчик с нервной усмешкой. Они поселились в комнате отца и Тамары, нигде не работали, однако деньги у них водились. Дядя Боря уверял, что ожидает устройства на городскую почту, когда местная кассирша уйдёт в декретный отпуск, а пока они живут на Федькину пенсию по умственной инвалидности.

Но это было не главное.

Как только Пашка увидел их в первый раз, то сначала подумал, что у него что-то случилось с глазами – так бывает, когда смотришь на солнце или яркую лампу, а потом отводишь взгляд в сторону и видишь блики. Так вот, этот дядя Боря и его кореш – они *бликовали*. И можно было сколько угодно моргать или переводить зрение на другие предметы, но пятно тёмного света исходило только от них.

Пашка даже подумал, что начал сходить с ума, но скоро убедился – это не так. Вскоре в городе начали появляться и другие Блики, а эти два человека стали лишь первыми переносчиками той странной и непостижимой заразы. Ей подвергались не только люди, но и неживые объекты. Так, например, стала бликовать часть опустевшего дома, где был арестован главный инженер текстильного завода, после чего вся семья его тоже куда-то исчезла.

Впрочем, аресты уже два года были привычны. Врагов и шпионов развелось вокруг слишком много, они были повсюду. В школе постоянно обсуждали, как же так получилось, что такой приличный человек, как заводской экспедитор оказался вредителем и подсыпал в муку для рабочих металлическую стружку, а директор городского кинотеатра вырезал из плёнки идущего перед фильмом новостного киножурнала каждый тринадцатый кадр и заменял его на другой, живой и мерзопакостный.

Целыми классами они писали осуждающие письма, в школьной столовой висел плакат «Не болтай!», но теперь Пашка понимал, что главные шпионы – это дядя Боря и его subtilный товарищ. Наблюдая за ними, он сообразил, что эти Блики являются какими-то паразитами, но не заражают собой, как вирусы, то, к чему прикасаются, а действуют выборочно, по им одним известным причинам. А каким именно – ему и предстоит выяснить.

Хотя его папа сидел в тюрьме, в школе Пашку не сторонились, ведь его отец оказался не врагом народа, а обыкновенным вором, и ему даже позволили участвовать в конкурсе отрядов на звание старшего школьного барабанщика, который будет возглавлять строй на праздничной линейке 7 ноября 1940 года. Поэтому Пашка посвящал всё свободное время репетициям, и времени у него оставалось мало – смотр был назначен на понедельник, четвёртого числа.

Так и сегодня, придя домой и поужинав картошкой с котлетой, он надел барабан, взял в руки палочки, закрыл глаза и сосредоточился на его ребристом, округлом корпусе, вообразив его продолжением собственной грудной клетки и представив рождение звука. И резко, как бегун на старте, застучал по упругой поверхности, сначала в полном хаосе, как бьёт в оконное стекло ноябрьский град, а потом выделил из его шума ведущий рисунок, нужный поток, симметричную красную молнию.

И как только он понял, что ему удалось нащупать некую гармонию, что была для него прежде скрыта, поймать её за самый кончик, потянуть на себя и прочувствовать... именно тогда в комнату постучали.

Пашка сбился с ритма, бросил палочки на кровать и открыл дверь.

На пороге стоял дядя Боря. Он был одет в старые штаны и забрызганную ужином белую майку, а на его голой груди, тускло переливаясь тёмно-изумрудным, мерцал Блик. В руках дядя Боря держал кухонное полотенце, которым вытирал нож. Пашке это очень не понравилось.

– Павел, мы ведь с тобой договаривались, что вечером ты не играешь, – начал он.

Говорил дядя Боря очень медленно и спокойно, но при этом казался ему опасным, похожим на питона из Московского зоопарка, куда их возили весной на каникулы. Там эта большая змея тоже выглядела сонной и вялой, но когда смотритель бросил ей мышку, он схватил её настолько молниеносным движением, что мальчики заморгали, а девочки взвизгнули.

– Так ещё восьми даже нет, – Пашка посмотрел за окно, в густую кляксу ноябрьского вечера.

– Но Фёдор из-за этого опять себя плохо чувствует, у него головные боли! Его ведь пытали фашисты в Испании, когда он там воевал! Знаешь, что они с ним вытворяли? Закопали по шею в землю, надели на голову ведро и играли на нём, как на барабане!

Пашка внимательно смотрел в гипнотические глаза этому взрослому, наблюдал, как двигались его жвалы, змеиная шея и понимал, что он врёт. Просто он – хищник, а этот Федька ему прислуживает, как Шакал у Тигра в сказке про Маугли. И не был психбольной Федька ни в какой Испании, не берут на войну таких недоносков.

– Хорошо. Сегодня я уже не буду играть, – сказал Пашка, понимая, что не пришло ещё время вступать с ними в открытый конфликт.

– Да и выходные его тоже нельзя беспокоить.

– Какие выходные? – возмутился Пашка, – Вы же ни где не работаете?!

– Мы, Паш, на самом деле заняты очень важным делом, – дядя Боря попытался заговорить как можно более ласковым, но от того ставшим неестественным голосом, – Но ты ещё слишком мал, чтобы об этом знать.

После этого он приложил палец к губам, как женщина на известном плакате и ушёл, прикрыв за собой дверь. А Пашка так и остался стоять перед ней, безуспешно пытаясь вспомнить тот ритмический рисунок, что ускользнул от него, словно первый потревоженный сон.

Из кухни донёсся нервный смех Федьки, от которого ему стало противно. «Они мне всё врут! – думал он, – Да и кто они, чёрт возьми, такие! И могут ли они догадаться, что я про них знаю? В любом случае, надо соблюдать осторожность...» Пашка снял с шеи ремень, положил барабан на стол, и решил что завтра, прямо с утра, пойдёт репетировать в парк.

В субботнем парке был один риск – нарваться на хулиганов. Они могли побить и, даже – самое страшное – порезать барабан, потому что считали себя блатными и законы школы их не пугали. Поэтому Пашка решил пройти не к центральному входу в парк, который до революции был помещичьей усадьбой, а окружным путём, через пустыри.

Он миновал площадь с Неизвестным Матросом и когда памятник остался позади, свернул с главной улицы, обратил внимание на новые Блики. Первый из них мерцал тьмой на спине рыжего кота, который протиснулся под забор, когда Пашка проходил мимо. Ещё один сизый Блик плавал по крыше единственной, стоящей на улице машины директора текстильного завода, из-за чего она из белой становилась тревожно-мутной, как штормящее море. В окнах домов иногда показывались утренние люди, и на одном из лиц Пашка тоже разглядел неестественно сверкающую синеву.

Когда улица кончилась, он миновал пустыри и вышел к дальней, неогороженной части парка, за которой возвышался холм, с до сих пор не засыпанным котлованом. Это была неофициальная могила помещика Большелапова, не имевшая ни креста, ни даже памятного камня.

Дальше, на поляне, располагалось пожарище – от усадьбы помещика сохранилась лишь фасадная каменная стена жилого особняка и приготовленные для строительства нового дома материалы, ставшие холмами почерневшего мусора. Разбогатеи во время войны на пошиве солдатской формы, летом семнадцатого года хозяин затеял перестройку и даже пригласил архитектора из столицы, но ничего построить они так и не успели.

Вместо предполагаемого нового дома на холме теперь зияла лишь глубокая яма с остатками фундамента – помещик планировал заложить просторный подвал, чтобы там заниматься

своими оккультными опытами – кажется, так называл их молодой учитель истории, совсем немного проработавший у Пашки в школе и в скором времени куда-то исчезнувший.

Ещё он рассказывал о том, что Большелапов в последние годы увлекся тёмными учениями, и крестьяне серьёзно опасались, как бы он чего на них не накликал. Говорили даже, что после победы Октябрьской революции помещик сильно испугался, что у него всё отберут, и попытался провести обряд – вызвать нечто потустороннее, способное ввергнуть мир в ещё больший хаос. Слуги его к тому времени уже разбежались, но кто-то из них успел предупредить деревенских о том, что помещик велел снести в яму какие-то предметы и готовится к сатанинскому ритуалу. Ночью крестьяне зажгли факелы, взяли вилы, поднялись на холм и увидели там нечто такое, после чего сбросили Большелапова в яму и живьём закопали, а дом его разграбили и спалили.

Сейчас сюда никто не приходил, даже пьяницы и хулиганы, но Пашка не испытывал никакого страха на этом пепелище – лучшего места для уединения было не найти. Пашка прошёл мимо парадной стены особняка с остатками крыльца и нашёл удобное место. Надел барабан и взял в руки палочки, немного покрутив их на пальцах, чтобы размять замершие кисти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.